

Рясов Дмитрий Алексеевич,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России
г. Ставрополь
ryasov_dmitriy@mail.ru

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ И ВИНА В УСЛОВИЯХ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ АВТОНОМНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО- ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности установления причинной связи и вины при наступлении общественно опасных последствий вследствие использования технологий искусственного интеллекта. Разработана трёхэлементная модель установления причинной связи и уточнены критерии оценки умысла и неосторожности в преступлениях, совершенных с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; причинно-следственная связь; опосредованный вред; субъективная сторона преступления; умысел; неосторожность; объективное вменение; уголовная ответственность.

Ryasov Dmitry Alekseevich,
PhD. jurid. PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and
Operational Investigative Activities
of the Internal Affairs Bodies
Stavropol branch
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
, Stavropol
ryasov_dmitriy@mail.ru

CAUSALITY AND GUILT IN THE CONTEXT OF ALGORITHMIC AUTONOMY: PROBLEMS OF CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. The article examines the specifics of establishing causation and guilt in the occurrence of socially dangerous consequences due to the use of artificial intelligence technologies. A three-element causal relationship model has been

developed and criteria for assessing intent and negligence in crimes committed using artificial intelligence have been clarified.

Keywords: *artificial intelligence; causal relationship; indirect harm; subjective side of the crime; intent; negligence; objective imputation; criminal liability.*

Современный этап цифровой трансформации характеризуется стремительным внедрением технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ) в социально значимые сферы общественных отношений: транспортную инфраструктуру, финансовые рынки, здравоохранение, государственное управление, сферу безопасности и обороны. Алгоритмические системы принимают решения, влияющие на распределение материальных ресурсов, диагностику заболеваний, маршрутизацию транспортных потоков и оценку кредитных рисков. Тем самым искусственный интеллект становится значимым элементом общественных отношений, складывающихся в различных сферах между разнообразными субъектами.

Существенное внимание вопросам интеграции ИИ-систем и ИИ-агентов в сферу организации и осуществления общественных отношений в социально значимых областях - здравоохранении, управлении дорожным движением, логистике, финансовом секторе и публичном администрировании - уделяется российским законодателем. Это подтверждается динамичным развитием нормативно-правовой базы¹ и реализацией национальных проектов², ориентированных на цифровую трансформацию государственного управления и экономики, а также рамочных условий для тестирования ИИ-технологий в отдельных регионах страны, включая особые условия для обработки персональных данных³.

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 октября 2019 г. № 41

² Путин обновил Национальную стратегию развития ИИ до 2030 года // <https://tass.ru/politika/20000627> (дата обращения 11 февраля 2026 г.)

³ Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

Вместе с тем расширение масштабов алгоритмической автоматизации происходит на фоне устойчивого роста преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Данное обстоятельство объективно усиливает криминогенный потенциал цифровой среды и требует учёта специфических рисков, связанных с возможным использованием ИИ в противоправных целях либо с причинением вреда вследствие его автономного функционирования.

Интеграция технологий ИИ в социально значимые сферы, включая публичное управление, актуализирует проблему нормативного определения пределов уголовно-правовой охраны общественных отношений от рисков, обусловленных использованием автономных алгоритмических систем. Речь идёт не только о техническом регулировании цифровых процессов, но и о формировании адекватных механизмов уголовно-правового реагирования на случаи причинения общественно опасного вреда при применении ИИ.

Показательным в данном контексте является подготовленный в 2025 г. Минцифры России законопроект, предусматривающий дополнение перечня обстоятельств, отягчающих наказание новым видом - совершение преступления с использованием технологии искусственного интеллекта. повышенную уголовную ответственность введение уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий искусственного интеллекта⁴. Данная инициатива отражает осознание государством возрастания общественной опасности алгоритмически опосредованных форм причинения вреда и стремление усилить уголовно-правовую защиту соответствующих общественных отношений.

Вместе с тем позиция Минюста России, раскритиковавшего проект, выявляет наличие концептуальной неопределённости⁵. Указание на риск

⁴ Проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885494-8?ysclid=mm692pwbk0377677438> (дата обращения 11 февраля 2026 г.)

⁵ Минюст раскритиковал законопроект Минцифры о наказании за преступления с использованием ИИ // <https://www.tsonline.ru/news/minust-raskritikoval-zakonproyekt-minzifri-o-nakazanii-za-prestupleniya-s-ispolzovaniyem-ii> (дата обращения 11 февраля 2026 г.)

формирования противоречивой правоприменительной практики вследствие недостаточной определённости понятия «искусственный интеллект» свидетельствует о сложности его интеграции в уголовно-правовую материю. Дополнительные аргументы, связанные с увеличением нагрузки на экспертные учреждения, удлинением сроков рассмотрения дел и ростом финансовых затрат, демонстрируют институциональные последствия признания использования ИИ обстоятельством, отягчающим уголовное наказание.

Изложенные обстоятельства являются свидетельством возникновения нормативной дилеммы: с одной стороны, объективно возрастают риски причинения вреда в результате алгоритмически опосредованной деятельности; с другой - отсутствует устойчивая доктринальная и законодательная модель, позволяющая корректно и единообразно квалифицировать такие деяния. Проблема заключается не столько в самом факте использования ИИ, сколько в определении его юридически значимой роли в причинном механизме и установлении субъективного отношения лица к последствиям функционирования алгоритма.

В этой связи возникает потребность в разработке системного уголовно-правового подхода, который обеспечивал бы:

- чёткое разграничение случаев, когда ИИ выступает лишь техническим средством, и ситуаций, при которых его использование объективно повышает общественную опасность деяния;
- формализацию критериев установления причинной связи и вины в условиях алгоритмической автономности;
- баланс между принципом законности и необходимостью реагирования на новые цифровые угрозы.

Формирование системного уголовно-правового подхода к оценке использования искусственного интеллекта предполагает, прежде всего,

нормативное разграничение двух качественно различных обстоятельств, имеющих различное значение для квалификации деяния⁶.

Первое связано с использованием ИИ в качестве технического средства (нейтрального инструмента). В данном случае алгоритм выполняет вспомогательную функцию, обеспечивая автоматизацию действий, полностью охватываемых волей и сознанием субъекта. Он не вносит самостоятельного вклада в формирование общественно опасного результата, а лишь ускоряет или упрощает реализацию уже сформированного преступного намерения. Причинная связь при этом сохраняет традиционную линейную структуру, а степень общественной опасности определяется характером деяния самого лица, а не технологической формой его осуществления. В подобных случаях использование ИИ не требует специальной уголовно-правовой квалификации и не должно рассматриваться как квалифицирующий признак или обстоятельство отягчающее наказание.

Вторая ситуация имеет место тогда, когда ИИ выступает фактором объективного повышения общественной опасности. Речь идёт о случаях, в которых применение автономной алгоритмической системы:

- существенно увеличивает масштаб причиняемого вреда (например, за счёт массовости и автоматизированности действий);
- ускоряет распространение негативных последствий;
- затрудняет их своевременное выявление и пресечение;
- повышает вероятность наступления тяжких последствий вследствие способности системы к автономному принятию решений.

В таких условиях алгоритм перестаёт быть нейтральным инструментом и становится элементом, трансформирующим механизм причинения вреда. Использование ИИ должно получать соответствующую уголовно-правовую оценку, поскольку объективно повышает степень общественной опасности деяния.

⁶ Мурашев П.М. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: риски и вызовы // Закон и право. 2025. №10. С. 235.

В целях обеспечения единообразной правоприменительной практики представляется целесообразным использовать модель оценки причинной связи при использовании ИИ, основанную на следующих критериях:

1. Критерий архитектурной предопределённости. Первостепенное значение имеет установление того, действовал ли алгоритм в пределах предусмотренной разработчиком логики и функциональной архитектуры. Если наступивший результат является следствием реализации заложенных параметров системы либо допустимых режимов её функционирования, то причинная связь с действиями лица, инициировавшего использование алгоритма, сохраняет нормативную значимость. И напротив, если поведение системы обусловлено внешним вмешательством, техническим сбоем или выходом за пределы проектной логики, вопрос о причинной обусловленности требует дополнительной оценки.

2. Критерий предсказуемости риска. Необходимо установить, являлся ли наступивший результат типичным или вероятно допустимым сценарием функционирования системы. В контексте самообучающихся моделей это означает анализ статистической допустимости соответствующего исхода. Если результат входил в круг предсказуемых рисков, связанных с эксплуатацией алгоритма, он может рассматриваться как реализация созданной субъектом опасности. Отсутствие субъективного предвидения наступления общественно-опасного последствия, при условии надлежащего проектирования и контроля должно оцениваться как отсутствие прямой непосредственной причинной связи между деянием и последствиями.

3. Критерий управляемости. Существенным элементом причинного анализа является оценка возможности субъекта повлиять на функционирование алгоритма либо прекратить его работу. Речь идёт о наличии у лица реальной возможности оказывать влияние на параметры работы алгоритма, корректировать его функционирование либо прекращать его эксплуатацию в случае выявления риска наступления общественно опасных последствий. Контроль может носить технический, организационно-управленческий либо

правовой характер и должен оцениваться с учётом статуса лица и объёма возложенных на него обязанностей.

Наличие у субъекта фактической возможности, а также нормативно закреплённой обязанности осуществления контроля свидетельствует о сохранении детерминирующей роли его поведения в причинном механизме и, соответственно, является аргументом в пользу признания юридически значимой причинной связи.

Предложенные критерии позволяют перенести анализ причинности из плоскости абстрактной фактической обусловленности в сферу уголовно-правовой оценки.

Причинная связь при использовании автономной алгоритмической системы может признаваться установленной при совокупности следующих условий:

1. Субъект посредством разработки, внедрения либо эксплуатации системы допустил возможность наступления общественно опасных последствий;
2. Функционирование алгоритма осуществлялось в пределах допущенной возможности и соответствовало его проектной архитектуре;
3. Наступившее последствие явилось прямым результатом сознательного допущения наступления общественно-опасного последствия.

Разработка критериев установления причинной связи при использовании автономных алгоритмических систем логически предполагает уточнение подходов к оценке субъективной стороны деяния. В условиях цифровой трансформации вина не может определяться исключительно через абстрактную категорию предвидения последствий; она должна соотноситься со спецификой распределения функций и компетенций в рамках жизненного цикла ИИ-системы.

Установление признаков субъективной стороны в составе преступлений, связанных с наступлением общественно-опасного последствия в результате использования автономных алгоритмических систем, должно осуществляться с опорой на классическую уголовно-правовую концепцию вины как психического

отношения лица к совершаемому деянию и его общественно опасным последствиям, выраженного в форме умысла либо неосторожности. Принципиально важно подчеркнуть, что алгоритмическая автономность не трансформирует природу вины и не допускает объективного вменения; она лишь усложняет содержание интеллектуального и волевого элементов.

В условиях использования ИИ интеллектуальный элемент вины должен охватывать:

- осознание лицом факта использования автономной алгоритмической системы;
- понимание её функциональных характеристик и потенциальных ограничений;
- предвидение возможности наступления общественно опасных последствий, обусловленных спецификой её работы.

Волевой элемент выражается в отношении субъекта к созданному алгоритмическому риску: в желании наступления последствий, сознательном их допущении либо в самонадеянном расчёте на их предотвращение.

Специфика умышленной формы вины в условиях алгоритмической автономности заключается в том, что психическое отношение виновного охватывает не только совершаемое им действие (бездействие), но и инициирование либо продолжение функционирования автономной алгоритмической системы как источника грозящей опасности.

Прямой умысел имеет место в случаях, когда лицо осознаёт общественную опасность применения автономной системы, предвидит неизбежность или реальную возможность причинения вреда и желает наступления соответствующих последствий. В алгоритмическом аспекте это может выражаться в целенаправленном использовании ИИ для достижения преступного результата, при понимании его масштабируемости, скорости и трудности выявления.

Косвенный умысел предполагает, что лицо предвидит реальную возможность наступления вредных последствий вследствие функционирования

алгоритма, не желает их, но сознательно допускает либо относится к ним безразлично. В данном случае элементом психического отношения выступает не конкретный алгоритмический сценарий, а риск, обусловленный эксплуатацией системы в определённых условиях.

Неосторожная форма вины требует более тонкой оценки, поскольку автономность системы может создавать иллюзию утраты контроля.

Легкомыслие имеет место тогда, когда лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, связанных с функционированием ИИ, но без достаточных оснований рассчитывало на их предотвращение (например, полагаясь на автоматические механизмы самокоррекции без проведения надлежащего тестирования).

Небрежность выражается в непредвидении наступления вреда при наличии обязанности и реальной возможности его предвидеть. В алгоритмическом контексте это означает игнорирование профессионально очевидных рисков, отказ от анализа обучающих данных, непринятие мер по контролю за системой либо внедрение её в социально значимую сферу без должной оценки последствий.

Таким образом, вина при использовании ИИ должна устанавливаться с учётом психического отношения субъекта к созданному им алгоритмическому риску. При этом, не требуется предвидение всех возможных вариантов поведения системы; достаточно осознания вероятностной возможности причинения вреда в пределах созданной опасной ситуации.

Полагаем, что предложенный подход позволит сохранить традиционное содержание вины (интеллектуальный и волевой элементы) при одновременном учёте специфики алгоритмической автономности, исключая как объективное вменение, так и необоснованное освобождение от ответственности под предлогом «непредсказуемости» цифровой системы⁷.

⁷ Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве: монография; научный редактор Б.В. Здравомыслов. М.: Проспект, 2018. С. 81

Обобщение изложенных положений позволяет сформулировать авторскую концепцию дифференциации уголовной ответственности, обеспечивающей системное разрешение проблемы уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых с использованием автономных алгоритмических систем.

Ключевым исходным положением данной концепции является признание того, что ИИ не обладает сознанием, волей и способностью к осознанию общественной опасности своего поведения, а потому не может рассматриваться в качестве субъекта преступления⁸. Любая уголовно-правовая оценка должна быть сосредоточена исключительно на поведении человека - разработчика, оператора, пользователя либо иного лица, вовлечённого в создание и эксплуатацию системы.

Второе принципиальное положение заключается в том, что использование ИИ как таковое не образует квалифицирующего признака состава преступления. Технологическая форма реализации деяния не может автоматически усиливать уголовную ответственность, поскольку это противоречило бы принципу законности и запрету расширительного толкования уголовного закона. Сам по себе факт применения алгоритма не свидетельствует о повышении общественной опасности.

Уголовно-правовое значение приобретает лишь такое использование автономной системы, которое объективно трансформирует механизм причинения вреда. Речь идёт о ситуациях, когда эксплуатация ИИ:

- создаёт повышенный риск наступления общественно опасных последствий по сравнению с «традиционными» способами совершения преступления;

- затрудняет выявление, предотвращение или пресечение вреда вследствие автономности и масштабируемости алгоритмического воздействия;

⁸ Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2019. №3. С. 466.

- усиливает тяжесть или объём последствий, в том числе за счёт скорости распространения и массового характера действий.

Именно совокупность указанных обстоятельств позволяет говорить о качественном изменении степени общественной опасности и, следовательно, о допустимости учёта алгоритмической автономности при квалификации деяния.

В рамках предлагаемой концепции реализация уголовной ответственности должна осуществляться в строгом соответствии с принципом индивидуализации, при котором определяющее значение приобретает учёт функциональной роли лица в процессе разработки, внедрения и эксплуатации автономной алгоритмической системы. Юридической оценке подлежит не формальное участие субъекта в цифровом процессе как таковом, а его конкретный вклад в создание, модификацию либо допущение юридически значимого риска, реализовавшегося в наступивших общественно опасных последствиях⁹. Тем самым исключается возможность как коллективного, так и абстрактного вменения ответственности за сам факт «использования технологии» без установления персонализированного психического и причинного отношения к результату.

Определяющим критерием уголовно-правовой оценки выступает не применение ИИ «per se», а степень фактического и нормативного контроля лица над функционированием алгоритмической системы, а также объективная предсказуемость её поведения в конкретных условиях. Чем выше уровень управляемости системы и чем более очевидным был риск наступления вреда, тем более обоснованным является вменение соответствующих последствий. И напротив, при отсутствии у лица реальной возможности влияния на функционирование системы либо при наступлении результата в пределах допустимого технологического риска, не подлежащего разумному предвидению,

⁹ Казанцев Д.А. Проблемы и перспективы регулирования отношений в рамках сделки, совершенной с участием искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. №2. С. 448.

основания для уголовной ответственности могут отсутствовать ввиду недоказанности вины.

Библиографический список

1. Казанцев Д.А. Проблемы и перспективы регулирования отношений в рамках сделки, совершенной с участием искусственного интеллекта // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. №2. С. 438-462.

2. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // *Вестник СПбГУ. Серия 14. Право*. 2019. №3. С. 461-476.

3. Мурашев П.М. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: риски и вызовы // *Закон и право*. 2025. №10. С. 233-238.

4. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве: монография; научный редактор Б.В. Здравомыслов. М.: Проспект, 2018. 190 с.